

Виталий Венгер, народный артист Иркутска

Понимаю, сколь сложную задачу я взвалил на себя, решившись на этот очерк.

Сложную – по многим причинам. Прежде всего потому, что каждый иркутянин, хоть чуточку неравнодушный к театру, знает, кто такой Виталий Константинович Венгер. А завзятые театралы, те вообще помнят все факты его биографии и роли (если это возможно – их что-то около трехсот). С другой стороны, если театр для человека – чуждая сфера, то ему и про Венгера ничего знать не надо. По всему по этому я только мельком скажу о том, что в детстве он провел три года в нацистской Германии, где уже маршировали коричневорубашечники и мальчики из гитлерюгенда с ножиками у поясов. Причина была проста – было это еще до войны и папа работал в советском торговом представительстве экспертом-переводчиком. Наш Виталий Константинович, Вилли, как иногда называют его в память о заграничном детстве, Виля, как любовно зовут его близкие, до сих пор не забыл немецкий язык.

Также я не задержусь надолго на известной его попытке покинуть наш город ради замечательных подмостков Московского театра сатиры, где в те годы его партнерами были такие легендарные лицедеи, как Андрей Миронов, Анатолий Папанов, Спартак Мишулин, поныне блещущие там Вера Васильева, Александр Ширвиндт, Михаил Державин и многие, многие другие. И покинул он этот театр вовсе не потому, что потерялся в столь блистательном обществе, напротив, играл много, по 12–13 ролей в месяц, больше, чем, скажем, Спартак Мишулин. Снимался в кино, например в сериале «Ярость» по детективу Юлия Файбышенко.

Но... накинута тоска по городу, который когда-то был для него не то что чужим, а вовсе как бы расположенным на другой планете, а стал родным; по привольной реке, да и по старому театру, в котором, говорят, по ночам собираются тени давно ушедших артистов. Во всяком случае, голоса слышат многие. Уехал в отпуск... и не вернулся. Московские коллеги его поняли, иркутские – приняли с радостью.

Вот и все, что я хотел сказать во вступлении к этому очерку. Еще несколько слов о заголовке. Да, Виталий Венгер – народный артист России, давно и по праву Россия увенчала его высшей театральной наградой – Золотой маской «За честь и достоинство». Но больше всего он – наш, иркутский. Только мы, иркутские театралы, имеем счастливую возможность в полной мере оценить и понять, какой это Артист. И когда город назвал его своим почетным гражданином, в этом не было ни капли формализма – просто выше у нас официального звания нет, не придумали. А неофициальное – любимый Артист Иркутска и иркутян.

Кто волк, а кто ягненок?

Как вышло, что мальчик из семьи, столь далекой от театра (папа – специалист по международной торговле, мама – секретарь-машинистка), коренной москвич, выросший на Сретенке, стал ведущим актером в далеком сибирском городе? Я бы сказал – цепь случайностей, но тогда надо признать, что так располагались звезды, а я в астрологию не верю. Случай случаем, но что театр был начертан в книге его судьбы – тут уж никуда не деться. Иначе бы первая неудачная попытка поступить в театральную студию Таирова могла стать и последней – мало ли мальчиков и девочек хотят стать артистами, да после первого невзятая препятствия напрочь забывают об этом желании.

А Венгер, напротив, только после первого провала понял, чего от него хотят строгие экзаменаторы, и к вступительным испытаниям в «Щуку» стал готовиться серьезно. Хотя в школьном драмкружке он если кого играл, так только эсэсовцев (видимо, из-за знания немецкого языка).

Готовил его заслуженный артист РСФСР Юрий Черноволенко, человек большой культуры, родной брат замечательного художника Виктора Черноволенко. Юрий Тихонович точно знал, как и что надо читать, чтобы понравиться приемной комиссии. Выбрали «Мужам Англии» Перси Биши Шелли, басню Крылова «Волк и ягненок», стихотворение в прозе Тургенева «Мы еще повоюем». Но как козырная карта сыграла только басня. Комиссия, которую на этот раз возглавляла Цецилия Мансурова, легендарная принцесса Турандот, состояла сплошь из именитых вахтанговцев, был среди них и Рубен Симонов. Но для абитуриента Венгера все они были равны, однако, как показали дальнейшие события, не так уж страшны.

«Мужам Англии» комиссия почему-то слушать не пожелала. «Давайте сразу бас-ню, мальчик...», – томно сказала Цецилия Львовна. И мальчик «дал»... Понятно, что «Волк и ягненок» предполагает диалог. Но так как на экзамен партнера не приведешь, то соискатель выбрал себе партнера... из членов комиссии. Для себя он определил наиболее выигрышную роль волка, а ягненком «назначил» небольшого рыжеватого мужчину, который глубоко сидел в потертом кресле. Ясно, что реплик он от него не ждал, но реакция не могла не последовать – еще бы, ведь в старом кресле сидел замечательный русский актер, режиссер, театральный педагог Борис Захава.

«Волк» Венгер рявкал: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом...», а «ягненок» Захава в ужасе вжимался в кресло, становясь все меньше и незаметней. В конце «волк» так вошел в раж, что водрузил одно колено на экзаменационный стол, и комиссия, видимо, боясь, что он взгромоздится туда весь, сказала: «Хватит». Виля расстроился – не понравилось, видно... Но почему тогда по ходу были даже аплодисменты? Тургенева слушать не стали. Видимо, басня так убедила всех в актерских способностях «мальчика», что на следующий тур его пропустили.

Дальше ничего интересного не произошло, разве что на этюдах... Задание было: «Горит банк!» Кто звонил по воображаемому телефону, кто раскатывал пожарный рукав, кто тащил сейф... Только Виля был невозмутим. «Что же вы? – сказали ему. – Ведь банк горит!» «А пусть, – спокойно ответил будущий артист. – У меня в этом банке ничего не лежит».

Так Виталий Венгер стал студентом театрального училища им. Б.В. Щукина, знаменитой «Щуки». Он был отобран в числе 44 счастливых из 937 соискателей.

Счастливые студенческие годы я опушу. Скажу только, что среди педагогов были замечательные вахтанговцы Леонид Шихматов и Вера Львова, люди с талантом и причудами, у которых было чему поучиться. А среди однокурсников и друзей – Михаил Ульянов, Юрий Катин-Ярцев и еще с десятков менее известных, но не менее талантливых будущих народных артистов, которых знает и любит замечательная русская театральная провинция.

Иркутск – это где?

Но сданы экзамены, сыграны дипломные роли, в том числе для Виталия – прогрессивный американец Вальтер Кидд в спектакле по очень модной тогда пьесе Лавренева «Голос Америки». Подошло распределение. И вот тебе, пожалуйста в Армавир. Как-то не захотелось туда – где-то в Краснодарском крае, маленький, даже не областной город. Отказался. Было и два московских предложения – театр транспорта и им. Маяковского. Но... во вспомогательный состав, вдвоем на одну ставку, а это – 200 рублей, притом что стипендию в «Щуке» он получал 320 рублей.

Настроение, прямо скажем... Все разъезжаются, а ты сидишь, чего-то ждешь... Вдруг – звонок: есть предложение поехать в Иркутский драматический... А где это – Иркутск? Там же, где и Якутск? Посмотрели по карте – да нет, пониже...

В гостинице «Москва» мальчика (Виле тогда исполнилось 22 года) сидели и ждали два солидных человека – директор Иркутского театра Осип Волин и главный режиссер Виктор Головчинер. Посмотрели друг на друга, познакомились – никто из них тогда не думал о том, что решается судьба актера, которому предстоит стать ведущим в театре минимум на полвека. «Молодой человек, – сказал Головчинер, – а вы не могли бы показать что-то из ваших работ?». Метнулся по Москве, нашел партнера для сцены из «Голоса Америки», партнершу – для кусочка из водевиля. Сибирские гости посмотрели, вежливо сказали: «Спасибо».

Вскоре позвонил Головчинер и официально предложил работу в труппе Иркутского драматического театра. «В министерстве все оформлено, подъемные высланы». Подъемные высланы! Какая замечательная, знаковая фраза (не забывайте, Виталию все те же 22 года)! А вот куплены и билеты. Упакован багаж, удивительно увесистый. Еще бы, ведь мама одной соли зашила в мешок пять килограммов! На дворе 1950 год, люди еще не опомнились от войны, мама искренне считала, что соль можно будет поменять на мясо.

Пять суток дороги описывать – пустое дело. Главным было нетерпение – скорей бы приехать. Впрочем, и посмотреть было что – полстраны за вагонным окошком.

Новичок в старом театре

Город сразу понравился – спокойный, несуетный. Река чистая, не то что гнилая Яуза. В коммерческом подворье – старые иркутяне помнят, что там было театральное общежитие – встретили как долгожданного

гостя.

С актером Володей Косовым отметили приезд, посидели в закуской – водочка, омуль. Эта рыбка новоселу сразу понравилась, не со всяким так бывает.

Когда увидел театр – ахнул. Такого театрального здания и в Москве – поискать. Но главное – труппа. Имена, которые театральный Иркутск помнит и вряд ли забудет. Николай Харченко, Алексей Павлов, Галина Крамова, Василий Лещёв, Аркадий Тишин... Прекрасными режиссерами были Виктор Головчинер и Александр Шатрин. Для Венгера это были первые режиссеры-педагоги, которые учили уже не в студенческой аудитории, а в производстве, в процессе работы над ролью.

Молодой актер с головой погрузился в работу. В основном это были эпизоды. Виталий Константинович и сейчас уверен – лучшей школы, чем эти крохотные роли, для человека, который хочет прожить на сцене долгую жизнь, просто нет. Все эти чаще всего безымянные солдаты, рабочие, партизаны, матросы, крестьяне дают возможность зажить на подмостках естественно, их недолгое появление перед зрителем открывает простор для мысли, время, для того, чтобы подумать, нафантазировать их характеры, судьбы; в конце концов, можно и нужно работать над внешним обликом, над гримом, здесь особенно нужен вкус и чувство меры.

У Головчинера в «Кануне грозы» по Маляревскому он сыграл сразу две роли. В инсценировке «Порт-Артура», которую ставил Михаил Куликовский, выходил на сцену китайцем – и запомнил эту маленькую рольку на всю жизнь: интересно было искать грим для его совсем не восточного лица, находить особые интонации и пластику и быть в них достоверным, убедительным.

Были и заметные роли – неудачливый влюбленный дон Хуан в комедии Кальдерона «С любовью не шутят», Костя Налево в светловской «20 лет спустя». Сыграл уже хорошо знакомого Вальтера Кидда в двух выездных спектаклях. Всего за шесть лет, которые пролетели как одна неделя, было сыграно 30 ролей.

Вот тогда Виталий почувствовал, что пришла мастеровитость. Умный и талантливый человек вполне может оценить свое творческое состояние, свой потенциал, не завышая, но и не занижая его.

Появилась уже семья, обзавелись квартирой (сколько он помучался в московской коммуналке!) – жизнь как-то выстраивалась. Но и молодость еще не рассталась с нашим героем: были веселые поездки с концертами – в Заларинский район на целину, по Ангаре к строителям Братска; постоянные хохмы, шутки, розыгрыши – без этого актеры не живут. Все это вместе, но прежде всего – работа, было, как выражается Виталий Константинович, подспорьем к появлению «первой творческой мозоли». Знаете, как у мастеровитого человека на руках образуются почти ороговевшие образования – они ведь не просто знак принадлежности к касте, но и своеобразный рабочий инструмент. Так и здесь – есть моменты, когда ты опираешься на навыки, приобретенные в процессе долгой кропотливой работы. Без этого нет Мастера.

К вершинам мастерства

А ведь была уже сыграна «Барабанщица», где у Виталия была нелегкая отрицательная роль. Был сыгран Лаэрт в «Гамлете» – роль, о которой мечтали и мечтают многие актеры, только далеко не всем она дается.

Время шло, с ним приходили более воз-растные роли, например, Петр Адуев в «Обыкновенной истории». Характер жесткий, противоречивый – это была увлекательная работа.

Но еще более сложную задачу предложил Венгеру режиссер Александр Терентьев. Сложную, а потому интересную. Поначалу роль Виктора в «Варшавской мелодии» даже напугала Виталия – острохарактерный актер, он уже привык, что можно спрятаться за гримом, костюмом, обыгрывать общение со многими персонажами, передохнуть, когда на первый план выходят они... Здесь ничего этого нет, только он и она, Виктор и Гелена, их сложные многолетние отношения, в которые вмешиваются жесткие, облеченные властью люди. Автор Леонид Зорин сознательно не оставил в пьесе места красотам, «манкам» для актеров, обнажил их души. Александр Терентьев не стал ничего додумывать к этому – ему были интересны актер Венгер и актриса Мыльникова, их поступки, движения души в предлагаемых обстоятельствах. А некоторый... не испуг даже, а остановка перед неожиданностью, необычностью задачи – она вполне понятна и естественна.

С ним много беседовала супруга Терентьева Раиса Курбатова, человек, тонко чувствующий театр и актера. «Пойми, Виталий, – говорила она, – Александр Николаевич хочет, чтобы раскрылась твоя личность, человеческая сущность. Ты далеко не тот юнец, который приехал сюда в 1950 году, – стал опытнее, понял, что в жизни есть не только радости и развлечения, но и тяжелая работа души, нелегкие испытания и даже

непоправимая беда. Все это ты пережил. Терентьев хочет, чтобы зритель увидел твоего Виктора таким человеком».

Венгер долго думал над этими словами – и понял, что такой сложной задачи у него еще не было, что она может показаться простой, но тогда это не затронет никого в зрительном зале. Значит, надо заглянуть на дно души и не жалеть себя.

«Своим голосом» – так называлась рецензия одного из критиков на этот спектакль.

Потом была «Трехгрошовая опера» и Микки-Нож – это уже совсем другая задача. И хотя роль для Венгера была такой, в которой он чувствовал себя совершенно в своей стихии, она была тяжелой технически и нелегкой в смысле физической нагрузки: кроме большой и сложной драматургии, еще и девять зонгов и танец – после каждого спектакля он чувствовал себя как спринтер на финише дистанции.

«Смерть Тарелкина»

И, наконец, особая веха в жизни и работе Виталия Венгера, да и театра... «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина. У пьесы этой трудная судьба. Ее хотели ставить – и ставили – самые выдающиеся режиссеры своего времени. Мейерхольд вывел на сцену Кандида Касторовича Тарелкина и всю его компанию за два дня до октябрьского переворота. Но и запрещали «Смерть Тарелкина» при всех режимах, как при царе, так и при коммунистах. Тем интересней была попытка иркутской драмы, предпринятая в начале перестройки, но все-таки задолго до падения КПСС. Поэтому иркутские театралы ждали премьеру и Венгера в главной роли (к тому времени он давно стал любимым артистом иркутян) с особым интересом. И дождались.

Но мало кто знал, какие события предшествовали премьере. А события эти были тревожными. И, как бы это точнее сказать, тревога исходила из разных точек. Прежде всего, труппа не очень приняла нового главного режиссера Юрия Григорьяна. Уж больно у него характер был сложный, никак не налаживались отношения с актерами. Но это проблема стратегическая. Была еще и тактическая, а именно – такой сложный спектакль был доверен молодому режиссеру Л., который, как выразился Венгер, «завтра должен был окончить ГИТИС». Но дело даже не в опыте – он попросту не знал, что с этим материалом делать, как решать на сцене сложные коллизии и характеры. До премьеры оставалось две недели, но никто – ни режиссер, ни актеры – не представлял, что из всего этого получится.

Надо было идти к Григорьяну. Коллеги делегировали для этого Виталия Венгера как самого опытного и авторитетного. Что делать, личные отношения пришлось закинуть под лавку и постучаться в кабинет главного. Григорьян принял – сама предупредительность:

– Проходите, Виталий Константинович. Садитесь сюда, здесь вам будет удобно. В чем проблема?

Венгер изложил тревоги актеров и попросил:

– Юрий Хачатурович, придите, посмотрите репетицию. Это не только моя просьба, весь состав просит. А я... просто погибаю. Не могу понять, куда режиссер ведет, чего он хочет.

– Это хорошо, что вы пришли ко мне, – потер руки главный. – Я обязательно посмотрю...

На третий день пришел. Молча посмотрел и ушел, ничего не сказав. Пригласил Венгера.

– А вы, Виталий Константинович, оказывается, можете быть человеком, – выдал он сомнительную похвалу. – Замечательно, что вы пришли ко мне. Будем вместе спасать спектакль.

Известие и том, что Л. отстранен и заканчивать спектакль будет Григорьян, встретили лестными для главного режиссера аплодисментами. Премьеру отложили.

Началась работа, которая почти сразу сгладила шероховатости в отношениях между актером и режиссером и во многом примирила их. Несколько дней Григорьян работал только с Венгером. И начал с неожиданной фразы:

– Скажите, как вы относитесь к паукам?

– Ну, как к ним можно относиться? Отвратительное создание...

– Вот! Я хочу, чтобы зритель сразу понял, с кем он имеет дело. Вы можете завернуть ногу вокруг ножки стула

вот так, штопором?

– Не знаю, попробую...

– Попробуйте, будьте добры! Вот вам задание – этюд «Пробуждение паука»...

Дальше последовали вопросы: «А как смотрит паук? Как он двигается? Как убегает?»

Потом надо было заговорить как паук. «Нет, так не пойдет! – горячился режиссер. – Что это такое – движется паук, а говорит артист Венгер!» А кто слышал, как говорит насекомое?

Прошли все это под музыку. «А вы знаете, – сказал Григорьян, – что-то получается. У меня появилась радостная надежда...»

Словом, это была увлекательная работа. Вместе нашли совершенно необыкновенную пластику, грим... Целая проблема – лысая голова... Перепробовал три бычьих пузыря. Наконец все получилось. Главное – актер понял внутреннее состояние своего героя. Появился Тарелкин, тип, уникальный в своей отвратительности, преобразился весь состав...

Кто видел этот спектакль – никогда его не забудет. Главный герой был страшен – иногда хотелось уйти, но... невозможно было оторваться от этого зрелища. Так артист и режиссер шли навстречу друг другу – и пришли к созданию знакового образа. В итоге выиграл зритель.

Вячеслав Кокорин – Дерсу Узала

Особая страница в жизни Венгера – работа с режиссером Вячеславом Кокориным. Они работали вместе долго, но что это была за работа – они постоянно будоражили друг друга, между ними постоянно как бы проскакивал электрический заряд, но никогда не было покоя.

А материал! «Дядя Ваня», «Лес», «Женитьба»... Чехов, Островский, Гоголь... Был еще такой спектакль «Веселись, негритянка» – философская притча, густо замешанная на бытовом материале. Кто-то из критиков сказал: «По этой пьесе спектакль поставить можно, если найдется сумасшедший режиссер». Нашелся. И все, кто выполнял его волю – Венгер в роли Адама, Наталья Королёва – Ева, а с ними Анатолий Басин, Николай Дубаков, Геннадий Гуцин – были прекрасны каждый по-своему.

– С Кокориным было чрезвычайно интересно, но и трудно, – вспоминает Виталий Венгер. – Мы с ним оба прошли на сцене огромный путь, могли общаться... ну, скажем, как два академика. Но я не всегда его понимал – все-таки он режиссер, он ведет... И тогда он говорил: «Знаешь, ты просто сделай, как я прошу, а я потом тебе объясню... А впрочем, зачем тебе это знать? Ты артист или искусствовед, критик какой-нибудь? Ты играй, и все! Это мне нужно, а не вам». Однажды я сказал ему – ты для меня Дерсу Узала. Ты определяешь путь – я иду. «Точно! – согласился Кокорин. – Я показываю: вот тут опасный овраг, здесь непроходимая чаща... А как ты будешь через них пробираться, это дело твоего опыта и таланта. Зря ты, что ли, народный?» Это было... увлекательно, интересно, сложно, трудно, иногда мучительно...

Кокорин вовсе не думал, что и Венгер, и Егунов давно «проехали» по возрасту своих Несчастливцева и Счастливецца в «Лесе». И – странное дело – об этом не заикнулся никто из критиков. Потому что Кокорин вместе с актерами рискнул – и победил. Ему неважны были внешние данные актеров – он вытягивал их «нутро»: «Ты не вспоминай о том, что Несчастливцев должен быть громадным мужиком с голосом иерихонской трубы – мы совсем в другие области едем. На сцене мне нужен ты, Виля, с твоим опытом» – «Я буду играть тебя», – неожиданно сказал Венгер. «Все! – вдруг обрадовался Кока (такая у него на театре кличка). – Мне больше делать нечего, учи текст, будем просто играть».

Но была еще и замечательная «Женитьба», которая, между прочим, принесла Венгеру Государственную премию. И опять Кокорин раскидывал свои сети, загадывал загадки, расставлял манки. Зачем ему понадобилось, чтобы Подколесин был похож на Гоголя? Однако когда Венгер к гоголевскому парюку на репетиции добавил еще и усы, Кокорин рассмеялся и сказал: «Старик, это не надо, убери. Мне не нужен на сцене Николай Васильевич Гоголь, нужно, чтобы только ассоциация возникала». Виталий Константинович понял – ему нужен был гоголевский взгляд – со стороны и сверху.

Кокорин выверял мизансцены до сантиметра. Ему были важны даже тени, которые отбрасывали персонажи, он всегда знает, к какому результату ведет актера.

«Поминальная молитва»

Так складывалась сценическая жизнь московского мальчика, иркутского актера Виталия Венгера. Был еще и «Король Лир» у Геннадия Шапошникова, и хоть он по ряду причин полного удовлетворения не принес, но все равно это был новый опыт. Шекспир, трагедия в чистом виде, было там три-четыре сцены, которые актер положил в переполненную копилку своего опыта.

Настало время «Поминальной молитвы», время Шолом-Алейхема, Григория Горина, Тевье-молочника, многострадальной Анатовки. Сама тема – евреи в России – где ни прикоснешь, там болит. А еще и великие предшественники, которые у всех на слуху, в ближней памяти – Ульянов, Леонов.

– Мандраж был приличный, – признается Виталий Венгер. – Кажется, все понятно, как это и про что. Но вот вопрос – как это буду делать я, артист Венгер? Чтобы никто не сказал – похоже на того, на этого... Но главное – чтобы было осязаемо, чтобы атмосфера трагикомедии дошла до каждого, чтобы зритель понял, как и почему бьется жилка на моем виске. Что помогло? Прежде всего, конечно, режиссер Олег Пермяков. Опыт, сценический и жизненный, та вереница возрастных евреев, которые мне встречались в жизни, начиная от отца – от каждого я брал что-то, даже от того странного человека, который в юности при каждой встрече кричал мне почему-то: «Вилька – духак, Вилька – духак!» Пригодилось все, что было в копилке опыта, что в ней осталось от всех добрых людей, которых переиграл за долгую жизнь на сцене. И, конечно, я очень благодарен партнерам, прежде всего – Наталье Королёвой, замечательной Голде, с которой мы дышали одним дыханием, страдали общим страданием. Но, мне кажется, я понял главное – Тевье бесконечно добр, он наивен, взрослый ребенок, и душа его болью болит за жену, детей, за односельчан, за родную деревню.

Понимаю, что обозначил путь нашего любимого артиста только пунктиром – ведь больше трехсот ролей – попробуй расскажи хотя бы о каждой десятой. Но я, как и все иркутские зрители, верю и надеюсь – будут новые роли. И мы еще не раз встанем со своих удобных кресел и, перекрывая овации, крикнем: «Браво, Венгер!»

Автор: Арнольд Харитонов © Областная газета КУЛЬТУРА, 7629 06.10.2007, 17:20 349
URL: <https://babr24.com/?ADE=40320> Bytes: 22764 / 22715 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Арнольд Харитонов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)